

УДК. 821.112.2

ОБРАЗ СЕМЬИ В РОМАНЕ Г. ГРАССА «ТРАЕКТОРИЯ КРАБА»

Е.В. КУЗНЕЧИК

(Полоцкий государственный университет)

e.kuznecik@psu.by

Исследуется образ семьи в романе Г. Грасса «Траектория краба» (2002). Отмечается, что обращение к образу семьи в немецкой литературе обусловлено политическими и социально-экономическими изменениями. Определяются особенности представления образа семьи в различных контекстах: семья в ее индивидуальной и типической роли, а также в более широком контексте – для символической связи с образом родины. В романе присутствуют повторяющиеся мотивы (мотив вины и покаяния, мотив психологической травмы, мотив переосмысления прошлого) и авторские приемы (сквозной персонаж, числовая символика, система отсылок к более ранним произведениям за счет упоминания встречавшихся в них персонажей). Роман соединяет несколько сюжетных линий в разных пространственно-временных плоскостях, благодаря чему автор создает сложную повествовательную конструкцию, схожую с хроникально-документальным повествованием.

Ключевые слова: история Германии, образ семьи, образ родины, сквозной персонаж, числовая символика, мотив вины и покаяния, мотив переосмысления прошлого, мотив травмы.

Введение. Концепт «семья» является одним из основных составляющих элементов национальной картины мира. О важности данного понятия в немецком мировоззрении свидетельствует тот факт, что многие авторы в своем творчестве использовали образ семьи как средство социально-политической критики. Швейцарский писатель Л. Хартманн отмечает, что «все, что связано с семьей, ее структурами и динамикой, всегда являлось центральной темой (*Kernthema*) для литературы. <...> Семья сегодня находится в центре больших общественных изменений¹» [1]. Тема семьи и брака, семейных ценностей, проблемы отцов и детей, являясь давним топосом литературы, используется писателями и в более широком контексте: в контексте переосмысления национал-социалистического прошлого и извлеченных из него уроков, замалчивания своей истории, вины и ответственности за содеянное в годы нацизма. Семейный микрокосмос, таящий в себе все элементы бытия общества, изображен и представлен в романах Т. Манна «Будденброки. История гибели одного семейства» (1901) и «Иосиф и его братья» (1926–1943), Л. Фейхтвангера «Семья Опперман» (1933) и «Братья Лаутензак» (1943), В. Бределя «Отцы» (1943), «Сыновья» (1945), «Внуки» (1953), М. Вальзера «Браки в Филиппсбурге» (1957), Г. Бёлля «Дом без хозяина» (1954) и «Глазами клоуна» (1963), К. Вольфа «Образы детства» (1976), К. Хайна «Захват земли» (2004), «Портрет сына с отцом» (2016), «Труц» (2017) и др.

Природе семейных отношений посвящены многочисленные труды немецких литературоведов. Часть ученых исследует тему семьи и брака, ограничиваясь одним автором. М. Фогтмайер исследует феномен семьи в романе Томаса Манна «Будденброки. История гибели одного семейства» [2]. Изучению семейных моделей в творчестве Л.Фейхтвангера посвящен труд А. Фаупель [3]. У. Акрилл рассматривает на примере литературных трудов К. Вольфа образ семьи в ее индивидуальных и типических проявлениях в разные периоды существования немецкого государства [4]. Другие ученые рассматривают модификации этой темы в отдельные периоды развития немецкой литературы. Так, объектом исследования А. Айхенберг становится семья в произведениях 1970-х гг. и позднее [5]. Монография М. Нойшефера посвящена изучению феномена семьи в романах XXI века [6]. Ф. Айглер избирает образ семьи в романах, написанных после объединения Германии, для исследования мотивов памяти и осмысления прошлого [7].

В одном из последних произведений немецкого писателя Гюнтера Грасса рассматривается проблема осмысления национальной истории сквозь призму семейных отношений. Основу сюжета романа «Траектория краба» (*Im Krebsgang*, 2002) составляет реальная история затонувшего корабля «Вильгельм Густлофф», на борту которого были беженцы из Восточной Пруссии. На фоне этого исторического события представлена частная история жизни семьи Покрифке. Перипетиям в семействе предшествует убийство еврейским студентом Давидом Франкфуртером нацистского лидера Вильгельма Густлоффа, именем которого затем называют корабль, уничтоженный впоследствии русской подводной лодкой под командованием капитана Александра Маринеско.

Основная часть. Представленную тремя поколениями семейства Покрифке основную систему персонажей, в чьих лицах воплощены образы немцев «сегодняшних», «вчерашних» и «завтрашних», Грасс расширяет за счет сюжетной линии семьи Штремплин, а также собственного присутствия в романе в образе Старика, Заказчика. М.М. Бахтин отмечает, что «поколения вносят совершенно новый и чрезвычайно существенный момент в изображаемый мир, вносят соприкосновения разновременных жизней <...>»,

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е.К.

давая тем самым «выход в историческую длительность», что способствует соединению нескольких пространственно-временных плоскостей [8, с. 197]. Таким образом, три поколения семьи Покрифке образуют временную вертикаль, которая расширяет свои пространственно-временные рамки за счет двух поколений семьи Штремплин и фигуры Старика, представляющей альтер-эго писателя и дающей Грассу возможность свободно вмешиваться в повествование, комментировать, уточнять, давать указания.

Судьба каждого героя романа связана с судьбой затонувшего корабля напрямую либо опосредованно. Так, главой семейства, а также свидетелем трагического события, является Тулла Покрифке. Урсула (сокр. Тулла) Покрифке – сквозной персонаж², знакомый читателю по «Данцигской трилогии». Впервые автор упоминает о ней в повести «Кошки-мышки» (*Katz und Maus*, 1961), где отводит дерзкому подростку роль второго плана. В романе «Собачьи годы», вся вторая часть которого посвящена уже повзрослевшей Тулле, угроза наступления советской армии вынуждает беременную девушку спасаться бегством. В повести «Крысиха» говорится о ее возможной гибели на корабле «Вильгельм Густлофф». В романе «Траектория краба» автор вновь возвращается к претерпевшему возрастные изменения персонажу Туллы.

Олицетворяющая поколение очевидцев Тулла Покрифке – натура противоречивая. Долгие годы она открыто восхваляла национал-социалистическую организацию «Сила через радость», а после плакала от извещения о смерти Сталина и горевала из-за разрушения памятника Вильгельму Густлоффу. Возможно, причина такого поведения кроется в пережитых событиях, ведь Тулла – вынужденная переселенка из Восточной Пруссии. Её происхождение время от времени выдает диалект: «Картошку называет бульбой (*Bulwen*), творог – сыром (*Glumse*), а треску под горчичным соусом – вахней (*Pomuchel*)» [10, с. 12; 11, S. 3]. Переселенцев она отождествляет с сорной травой: «Только нам везло. Ведь сорная трава, как говорится, живуча» [10, с. 166]. Свою «живучесть» Тулла демонстрирует, легко приспосабливаясь к новым жизненным обстоятельствам. Пережив катастрофу, она оказывается в советской оккупационной зоне, где становится активисткой и передовиком социалистического труда. За присущую Тулле хитрость автор сравнивает ее с лисой. Это свойство усиливает чрезвычайно выразительная деталь гардероба – лисья накидка, которую она надевает на плечи в самые ответственные моменты жизни.

И если в профессиональном плане у Туллы все складывается удачно, то в семейной жизни ей так и не удастся построить крепкую семью и выстроить доверительные отношения с сыном, на которого направлены ее воспоминания о прошлом. Рассказы о прошлом Тулла навязывает внуку, который воспринимает трагические события лишь со слов бабушки. Интерес к гибели корабля приводит к тому, что он создает в Интернете сайт, посвященный Густлоффу, и под именем Вильгельм становится его модератором. Одна из виртуальных дискуссий между Вильгельмом (в реальной жизни Конни³) и Давидом (в действительности Вольфганг Штремплин) заканчивается встречей в реальной жизни и убийством – «Вильгельм» убивает «Давида». Но трагикомизм ситуации состоит в том, что называвший себя евреем Вольфганг был немцем, как и стрелявший в него Покрифке-младший. Оба героя, представители третьего поколения или поколения внуков, призваны показать диаметрально противоположные оценки истории, которые доведены в современном обществе до абсурда. Очарование прошлым приближает Конрада к фашистским идеалам. Выступая в роли проводника реваншистских идей, Конни ставит перед собой задачу увековечить то, что рассказывает бабушка и о чем молчит отец. Его оппонент заиклен на военных преступлениях и мысли о покаянии. Он носит ермолку, как ортодоксальные евреи, требует кошерную еду и утверждает иудаизм.

Второе поколение, индифферентно относящееся к прошлому, представлено в лице сына Туллы, журналиста Пауля Покрифке и его бывшей жены Габриэлы, а также родителей убитого Вольфганга Штремплина. Пауль рожден в ночь гибели корабля – 30 января 1945 года. Вокруг этой даты сосредоточены различные факты, упомянутые в романе. Именно в этот день в 1895 году родился Вильгельм Густлофф, в 1945 году затонул одноименный корабль, а в 1933 году к власти пришли нацисты. К реальным историческим совпадениям Грасс добавляет фиктивное – день рождения Пауля Покрифке. Прием числовой символики встречается и в других произведениях автора («Жестяной барабан», «Собачьи годы»).

Пауль Покрифке – журналист, испытывающий профессиональную неудовлетворенность. Его планы писать острые репортажи либо книги на значимые общественные темы так и остались нереализованными. Но профессиональные неудачи Пауля лишь усугубляются на фоне развившихся детских комплексов, связанных с многочисленными семейными травмами и проблемами. В одном из своих исследований социолог

² В Нобелевской речи Грасс отмечает, что в его творчестве сквозные персонажи появились не случайно. Он вспоминает занимательную историю написания первого романа, действие которого происходило в XIII в. во времена междоусобицы и безвластия: «... после краткого изложения экономического положения в кашубских землях он [Грасс – Е.К.] сразу же вывел на сцену разбойников с их грабежами и резней. Там настолько яростно душили, кололи, пронзали и с помощью виселицы или меча чинили самосуд, что к концу первой главы все основные герои и добрая часть второстепенных были убиты, зарыты и брошены на скорм воронью. <...> однако начинающий автор получил четкое предостережение в будущих повествованиях обходиться с вымышленными персонажами осмотрительнее и экономнее» [9, с. 521].

³ По требованию Туллы ребенка нарекают Конрадом (сокр. Конни) в память о ее погибшем маленьком брате. Эпизод с его гибелью описан в романе «Собачьи годы».

Норберт Ф. Шнайдер рассматривает семью как «процесс, для которого характерны переходные состояния и основанные на этом этапы жизни. К типичным переходным состояниям относятся свадьба, первый родительский опыт, отъезд детей из родительского дома, развод и вдовство» [12, S. 101]. Едва ли эта схема работает в случае Пауля. Его отец неизвестен. В рассуждениях главного героя о биологическом отце встречаются имена Йоахима (Йохена) из повести «Кошки-мышки» и Вальтера из романа «Собачьи годы». По признанию самого героя, «настоящего отца [ему] не досталось, только взаимозаменяемые фантомы. <...> [Он] же, безотцовщина, в конце концов сам стал отцом» [10, с. 24]. Отношения с матерью у Пауля натянуты. Главный герой говорит о ней в ироничном тоне, избегает с ней длительных контактов и утверждает, что «никогда не именовал [ее] собственнически “моей”, но всегда просто – “матерью”» [10, с. 12]. Все детство и отрочество Пауля проходят под настойчивыми требованиями Туллы поведать миру о трагической истории корабля. Он признается: «У меня до сих пор звучат в ушах ее слова: “Я и живу-то только для того, чтобы сынок мой когда-нибудь все бы засвидетельствовал”» [10, с. 21]. Его не спасает даже переезд в ФРГ. Мать продолжает третировать сына с помощью своей подруги Йенни, у которой Пауль квартирует во время учебы.

Взаимоотношения Пауля и Туллы точно характеризуются словами Ф. Ницше: «Родители продолжают жить в детях. Неразрешенные диссонансы в отношении характера и образа мысли родителей продолжают звучать в натуре ребенка и образуют внутреннюю историю его страданий» [13, с. 415]. Подрыв традиционной семейной модели, отсутствие отца как главы семейства и замена его роли эрзац-фигурами в жизни Пауля отчасти послужили причинами того, что самому Покрифке-старшему также не удалось создать крепкую семью, в результате чего он утрачивает контакт с собственным сыном. В романе образ семьи⁴, спекулирующей на ценностях, носит пародийный характер. Идея семьи как святыни противопоставлена идее бездомности человека с разорванными семейными узами.

Габи, экс-супруга Пауля, также мало интересуется ребенком. После расставания с мужем она активно занимается своей карьерой и делает это весьма успешно: она становится преподавательницей гимназии, получает статус государственного чиновника. Несчастье с Конни Габи переживает не только с позиции матери, но и с позиции учителя. Как мать она допускает мысль, что трагедии можно было бы и избежать, если бы в школе сыну разрешили сделать доклад о национал-социалистической организации «Сила через радость», но как учитель она разделяет мнение коллег, ссылаясь при этом на «ограниченные возможности педагогики» [4, с. 195]. Свою позицию невмешательства Габи оправдывает «нежеланием осложнять и без того непростую ситуацию своих коллег-учителей субъективными материнскими протестами, тем более что она сама “решительно возражала против любой недооценки коричневой псевдоидеологии” и всегда отстаивала перед сыном свои левые взгляды, хотя, правда, и не проявляла должного терпения» [10, с. 195]. Таким образом, в поле критики автора попадает школьное образование. Грасс прежде всего обращается к образу учителя, видя в нем инструмент навязывания существующей идеологии. По мнению писателя, истинную роль учителя – формирование свободно мыслящей и гармонично развитой личности – приспособили к требованиям пропагандируемого курса. Грасс критикует узколобость и косность: в школе под запретом доклады и выступления на рискованные темы, ключевым аргументом выступает «вредная тенденциозность». Писатель заявляет об «общегерманском единстве» в вопросах отсутствия свободы слова и мысли [10, с. 194, 199].

Семье Покрифке автор противопоставляет интеллигентную чету Штремплин. Господин Штремплин «являл собою тип интеллектуала, для которого все относительно, даже установленные факты», а его супруга «отличалась, пожалуй, склонностью считать любые вещи в той или иной мере необъяснимыми» [10, с. 197]. Будучи людьми либеральных взглядов, они проявляют индифферентность при оценке исторических событий, что приводит «к отчуждению в отношениях с сыном, а затем и утрате контакта с ним» [4, с. 195]. Своим бездействием они демонстрируют поведение пассивной массы, которая допускает зло. Молчаливое попустительство делает их сопричастными ошибкам и преступлениям современного мира.

Представители второго поколения у Грасса – люди разных профессий и интересов, но их объединяет одно: сдержанный подход к осмыслению периода национал-социализма. Это явилось основной причиной того, что третье поколение лишено возможности объективно судить о том, что происходило в прошлом. Однако автор не снимает ответственности и с представителей первого поколения, поколения очевидцев, к которому, несомненно, можно причислить и самого писателя. Вина поколения Грасса заключается, прежде всего, в многолетнем замалчивании правды и односторонности подачи информации. Именно «его поколение должно было поведать о страданиях беженцев из Восточной Пруссии: о потоках людей, движущихся по зимним дорогам на Запад, о заколеченных трупах в сугробах, о людях, погибших в придорожных кюветах или в проломленном льду ...» [10, с. 106]. Поколение очевидцев знало и должно было рассказать обо всех перипетиях в судьбе беженцев, ведь «о таких страданиях нельзя было молчать все эти годы только потому, что важнее казалось признание собственной огромной вины и горячее покаяние, нельзя было отдавать то, что замалчивалось, на откуп правым и реваншистам. Это упущение безмерно...» [10, с. 106].

⁴ Такая форма переосмысления идеи семьи характерна и для романа «Жестяной барабан», где семья представлена в сатирическом свете на грани абсурда: у главного героя одна мать, но три отца.

Образ семьи у Грасса символически связан с образом родины, а поколения этой семьи олицетворяют этапы существования Германии, в которых отношение к теме национал-социалистического прошлого выражается по-разному: поколение очевидцев воплощает период национал-социализма, поколение детей – период индифферентного отношения к трагическому прошлому, поколение внуков – период возобновления интереса к идеологии нацизма. В этой связи феномен семьи в романе являет собой остросоциальный характер, который призван отразить прошлое, настоящее и будущее Германии через судьбу нескольких поколений.

В романе «Траектория краба» образ семьи служит для реализации тех же мотивов, что применялись Г. Грассом и в других произведениях («Жестяной барабан», «Собачьи годы», «Под местным наркозом»): мотива психологической травмы, мотива вины и покаяния, мотива переосмысления прошлого. Мотив травмы раскрывается через сюжетную линию взаимоотношений отцов и детей (Туллы и Пауля, Конни и его родителей). Мотив вины и покаяния реализуется через отношение каждого поколения к собственной истории. Мотив переосмысления прошлого заложен Грассом в повествовательную канву романа и вытекает из особой техники повествовательного монтажа, который позволяет изобразить историческое прошлое в контексте настоящего и будущего. Этому способствует соединение истории реальных исторических персонажей (Вильгельм Густлофф, Давид Франкфуртер, Александр Маринеско) с вымышленной биографией рассказчика и его семьи (Тулла Покрифке, ее сын Пауль и внук Конни), за счет чего достигается сходство с хроникально-документальным повествованием.

Заключение. Интерес к образу семьи обусловлен в немецкой литературе политическими и социально-экономическими изменениями. К нему обращаются, чтобы осветить злободневные проблемы для Германии на всех уровнях – политическом, социальном, бытовом. В романе Грасса образ семьи, представленный тремя поколениями, составляет основу композиционного построения. Писатель использует образ семьи в ее индивидуальной и типической ипостасях в узком и широком контексте. Семья, как наименьшая ячейка общества, изображена автором в сатирическом ключе, одновременно с этим образ семьи используется для раскрытия образа родины.

В произведении показано, что процесс преодоления прошлого – явление сложное, охватывающее несколько поколений, каждый представитель которого несет на себе бремя вины. Поколение очевидцев живет воспоминаниями, поколение детей ничего не хочет знать, сознательно дистанцируясь от прошлого, поколение внуков из-за индифферентности родителей и однобокости воспоминаний старшего поколения лишено возможности объективно судить о событиях прошлого.

Использование в романе мотивов травмы, вины и раскаяния, переосмысления прошлого и упоминание героев из более ранних произведений, а также присутствие сквозного персонажа и числовой символики позволяют расширить смысловое пространство текста. Соединение нескольких пространственно-временных плоскостей достигается благодаря образу семьи, представленному несколькими поколениями. Для выстраивания сюжетных линий автор вводит в повествование реальные исторические факты, даты, исторических персонажей, что придает описанию событий хроникально-документальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kürten, J. Schriftsteller im Gespräch: Lukas Hartmann // Deutsche Welle [Elektronische Ressource]. – 30.04.2020. – Zugriffsmodus: <https://www.dw.com/de/schriftsteller-im-gespr%C3%A4ch-lukas-hartmann/a-36518580>. – Freigabedatum: 27.11.2016.
2. Vogtmeier, M. Die Familien Mann und Buddenbrook im Lichte der Mehrgenerationen-Familientherapie: Untersuchungen zu Thomas Manns "Buddenbrooks. Verfall einer Familie" / M. Vogtmeier. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 1987. – 196 S.
3. Vaupel, A. Zur Rezeption von Exilliteratur und Lion Feuchtwagners Werk in Deutschland 1945 bis heute / A. Vaupel. – Bern : Peter Lang, 2007. – 281 S.
4. Ackrill, U. Metafiktion und Ästhetik in Christa Wolfs "Nachdenken über Christa T.", "Kindheitsmuster" und "Sommerstück" / U. Ackrill. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2004. – 193 S.
5. Eichenberg, A. Familie-Ich-Nation. Narrative Analysen zeitgenössischer Generationenromane / A. Eichenberg. – Göttingen : V&R Unipress, 2009. – 190 S.
6. Neuschäfer, M. Das bedingte Selbst. Familie, Identität und Geschichte im zeitgenössischen Generationenroman. / M. Neuschäfer. – Berlin : Epubli, 2013. – 449 S.
7. Eigler, F. Gedächtnis und Geschichte in Generationenromanen seit der Wende. / F. Eigler. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. – 233 S.
8. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
9. Грасс, Г. Нобелевская речь / Г. Грасс // Под местным наркозом. Из дневника улитки. Нобелевская речь ; пер. с нем. – М. : Олимп, АСТ, 2001. – С. 515–533.
10. Грасс, Г. Траектория краба / Г. Грасс ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Бослен, 2013. – 288 с.
11. Grass, G. Im Krebsgang / G. Grass. – Göttingen : Steidl, 2002. – 216 S.

12. Schneider, N. Familie. Zwischen traditioneller Institution und individuell gestalteter Lebensform/ N. Schneider // Deutsche Verhältnisse. Eine Sozialkunde; Hrsg. Stefan Hradil. – Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2012. – S. 95–121.
13. Ницше, Ф. Сочинения : в 2 т. / сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна ; пер. с нем.– М. : Мысль, 1990. – Т. 1. : Литературные памятники. – 832 с.

Поступила 01.06.2020

PECULIARITIES OF THE FAMILY IMAGE IN G. GRASS'S NOVEL CRABWALK

K. KUZNECHYK

The article deals with the family image in G. Grass's novel Crabwalk (2002). The interest to the family image in German literature appears as a reaction to political, social and economic changes. The specificity of family representation is detected: the family in its individual and typical role, as well as in a wider context for homeland image. There are repetitive motives (motive of guilt and penance, motive of past rethinking, motive of trauma) and authorial techniques (through character, numerical symbolism, a system of references to earlier works by mentioning the characters they encountered) in the novel. The novel connects several subject lines in different space-time stages and creates a complex narrative construction similar to the chronicle-documentary narration.

Keywords: *German history, family image, homeland image, through character, numerical symbolism, motive of guilt and penance, motive of past rethinking, motive of trauma.*